

18+

АЛЕКСЕЙ БЕЦКИЙ

Чай с лимоном

Алексей Бецкий

Чай с лимоном

«Издательские решения»

Бецкий А.

Чай с лимоном / А. Бецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626117-4

Гриша живет обычной жизнью обычного подростка. Он ходит в школу, любит футбол и чай с лимоном, однако так и не решил, чего хочет от жизни. Но, когда сначала в жизни его появляется необычный наставник, потом новые знакомые из спортивной секции, а в класс приходит новенькая, события обрушиваются на Гришу одно за другим. Удастся ли ему под давлением обстоятельств сохранить себя настоящего, а главное — найти свой путь?

ISBN 978-5-00-626117-4

© Бецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	17
ГЛАВА 7	19
ГЛАВА 8	22
ГЛАВА 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чай с лимоном

Алексей Бецкий

© Алексей Бецкий, 2024

ISBN 978-5-0062-6117-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

ГЛАВА 1

Я вяло брел по улице, настроение было хуже некуда. В школе задали довольно много, и это томное ожидание выполнения ненавистной домашки тяжелым камнем давило на сердце. Если по математике все шло плюс-минус хорошо, то история... Жалкий, ненужный предмет. Неужели реально кому-то охота разбираться в зигзагах того, что уже давно прошло, и отношения к настоящему не имеет ни-ка-ко-го! Вообще почти бесполезная дисциплина... Почему почти? Ну, завтра она первым... Можно будет поспать на час подольше...

Скорее бы лето... Там не существует понятий «ранний подъем» и «домашняя работа», там только солнце, отдых и полное расслабление. Лишь при мысли о деревне, куда я езжу каждый год, невольно улыбаюсь, мечтая поскорее добраться до заветных каникул.

Не стоит думать, будто я не люблю школу. Просто для меня она не столько учебное заведение, сколько место встречи с друзьями. Хотя друзей у меня немного, остальные просто товарищи и одноклассники. Ведь друг это не тот, с кем проводишь любую свободную минуту, а тот, кто сделает все возможное для помощи в трудной ситуации. Позвони ему хоть в три ночи, находясь в другом городе, будешь уверен – он прилетит несмотря ни на что. Такие друзья нынче редкость, чаще встречаются коллеги и товарищи, с которыми меня объединяют только общие приколы и те десять лет, которые мы провели в стенах школы.

За этими размышлениями я сам не заметил, как добрался до дома. Родная парадная встретила меня как всегда: стоило открыть дверь, как пахнуло холодом, несмотря на наступление весны, и я сразу уловил целый букет запахов, зачастую не самых приятных. Помыл руки (если помыл считать равным намочил), пошел на кухню, там открыл холодильник. Опять суп... Ну и ладно.

Решил себя сегодня немножко побаловать, поэтому заварил чай с лимоном. Честно говоря, не знаю, откуда у меня появилась любовь к этому напитку, но устоять перед ним я просто не могу.

Поел, после этого пошел делать уроки – самая моя нелюбимая часть дня. Но придется. Просто я решил воспитывать силу воли. А так, если бы даже получил пару двоек, аттестация не испортилась бы, по-прежнему выходили бы тройки и четверки, а что еще, собственно, нужно для счастья? Открыл математику. Хоть задали и много, но сделал быстро. Математика – это рай для меня, я там, как рыба в воде. Не заметил, как сделал русский и физику. Так, что там дальше? Ага, литературу задали устно, значит можно не делать.

Вообще, честно говоря, литература – это интересно, вот только знакомиться с «Войной и миром» нет никакого желания. Чтение бывает интересным, но только школьный список книг давно пора изменить, добавить туда те произведения, которые интересуют нынешнее поколение, а не вот это все. С этим согласна даже наша руссичка, по совместительству преподаватель литературы.

Осталась история.

Тоскливо открываю учебник. Так, что там? Может быть, повезет и тема будет интересная? Если, конечно, история бывает интересной...

Заголовок параграфа гласит: «Альпийский поход Суворова». Очень мило. Начинаю через силу читать, но бросаю это занятие уже через пару строчек. Скучно и однообразно. Один дядька пошел бить другого дядьку. И, как всегда, победят наши. Странно вообще. Русские воюют с французами в Италии и Швейцарии для спасения Австрии. Ну не бред ли? Так и не дочитав параграф, я отправился смотреть телевизор. Наблюдать за матчем «Манчестер

Юнайтед» и «Тоттенхэма» куда интереснее, чем киснуть над учебником. А прочитать всегда успею, как-никак для этого придумали перемену.

Прошло минут сорок. Футбол целиком и полностью поглотил меня. Но неожиданно одно обстоятельство заставило меня отлипнуть от экрана: в своей комнате я отчетливо услышал чьи-то шаги. Воображение сразу начало рисовать всевозможные картины, одну хуже другой. Маньяк. Потрошитель. Вор. Да там может быть кто угодно! Но стоп, откуда вор на девятом этаже? Через окно? Невозможно. Через входную дверь зайти никто не мог, ибо из гостиной, где я находился, она просматривается идеально. Тогда кто это?

Адреналин огромными дозами выкидывался в кровь, а я нещадно ругал себя: ну кто просил тебя смотреть всю мистику, какая только существует в интернете! И как раз на днях закончил книгу по славянской мифологии. Думал это весело. Что ж, веселись теперь, если, конечно, сможешь унять дрожь в теле и оторваться от дивана!

Все эти мысли промелькнули в голове за секунду. Неожиданно вспомнил, как часто ругал героев из фильмов ужасов, когда они, вопреки всякому здравому смыслу, отправлялись (так еще и в одиночку!) на поиски чего-то им непонятного. Тем не менее, мозг мой почти полностью отключился, инстинкт самосохранения пропал и любопытство стало сильнее страха. Я медленно встал, стараясь не издавать лишних звуков, и направился в свою комнату. Виски чрезвычайно сильно пульсировали, сердце билось, как ненормальное, во рту пересохло, ноги тряслись. Мелькала мысль о побеге, она просто кричала во мне, я пару раз даже разворачивался, но не мог ступить и шагу. А ведь я никогда не считал себя трусом. Ох уж эта человеческая натура, вечно ищущая приключений на свою пятую точку, презирая инстинкт самосохранения!

Наконец, набравшись мужества, я заглянул в комнату.

ГЛАВА 2

Взору моему предстала удивительнейшая картина: на моем стуле сидел за учебником истории седой старичок среднего роста со смешным хохолком на голове и в старинном военном мундире. Глаза его хоть и были малы, однако пронизывали насквозь и, в чем почти не было сомнений, не упускали никогда даже самых незначительных деталей. Я обомлел. В этом странном посетителе я узнал того самого Суворова, точь-в-точь, как на портрете в учебнике...

Старичок поднял свой взгляд от книги на меня и еле заметно улыбнулся. Отложил учебник в сторону и сказал:

– Науку историческую познаёшь? Зело похвально! Ибо история – мать судьбы человечества! – величественно произнес он.

Я стоял, молча уставившись на него, ибо был настолько потрясен увиденным, что ровно ничего не мог произнести. Вообще это свойственно людям: в минуты сильного стресса мозг либо мобилизует все силы на борьбу, либо впадает в ступор. Мой организм, похоже, выбрал второй вариант.

Наконец, кое-как я выдавил из себя дрожащим голосом:

– А в-в-вы к-кто?

Очень правильный вопрос, когда в своей комнате видишь Суворова, берите на вооружение.

Старичок не отрывал от меня своего взгляда с хитрым прищуром. В глазах его я заметил какую-то дружелюбную искорку, которая явно не могла быть во взгляде преступника.

Между тем старичок сказал, улыбнувшись:

– Позвольте представиться: фельдмаршал Александр Васильевич Суворов.

Я обмер (уже в который раз). Все сразу стало понятно. Я шизик. Большой шизофренией человек. Это все из-за переутомления, из-за школы и прочего. Я ведь предупреждал родителей, я им говорил, что постоянное делание уроков и занятие учебной работой может свести с ума! Вот, пожалуйста, не соврал.

Теперь, когда все стало ясно, я уже безо всякого страха вошел в комнату. Это не вор, не бандит. Это мой глюк. Вполне логично, нефига было футбол по ночам смотреть и в комп играть без перерывов, так что получай теперь результат. Не знаю, лечиться это или нет, разберусь позже.

Старичок между тем, теперь уже удивлено, смотрел на меня. Когда я вошел в комнату, то он спешно встал, освобождая мне стул.

– Прощу, сударь! – сказал он мне и слегка коснулся меня.

Меня как током дернуло. Я почувствовал это касание. А галлюцинации не чувствуешь. Наверное.

Я сразу дотронулся до Суворова и понял, что чувствую его. Моя рука прошлась по его орденам, точно повторяя их очертания. Это не видение. Он реален. Но руку я поспешил отдернуть, ибо лапоть чужого человека (или не человека) как минимум невежливо.

Допустим, мой глюк даже осязаем, но что это значит? Ровным счетом ничего, разве что лечение теперь будет дольше. С другой стороны, почему именно Суворов? Я ничего против не имею, но ведь были персонажи и посимпатичнее, например Мерлин Монро, так было бы куда приятнее. А вот перспектива видеть в ближайшее время этого старичка меня ничуть не радовала.

И тут же пришла другая мысль: я уже воспринимаю этот субъект как должное, как нормальное, не противоречащее законам физики явление. Быстро же у меня наступила стадия принятия, ничего не скажешь.

– Так вы... Настоящий?

Даже интересно, что ответит? «Нет, искусственный. Я твой глюк, будем знакомы?».

И тут вырвался смешок. Именно вырвался. Видать совсем с катушек полетел. И ладно: если сходить с ума, то масштабно и по всем фронтам.

Суворов улыбнулся:

– Конечно, и я должен тебе помочь. Моя задача – стать на ближайшее время твоим помощником и спутником.

Я чуть не упал. Бог с ним, если этот глюк будет, пусть даже он осязаем и разговаривает со мной, это все можно пережить. Но когда глюк станет нянькой... это уже ни в какие ворота! Поэтому спросил:

– Моим?! Но зачем?

– Пора выбираться из тьмы невежества и глупости. И в этом тебе нужна рука помощи, – сказал он и подал мне свою крепкую мужественную руку.

ГЛАВА 3

Я еще долго допрашивал моего нового знакомого, однако ничего нового так и не узнал. Но сама перспектива получить личного психолога-консультанта в лице исторического деятеля меня знатно позабавила. На каком-то этапе нашего разговора я даже начал сомневаться в том, что мой новый знакомый – глюк. Всячески пытался гнать эти мысли прочь, но они вели себя, как тараканы: прятались в щели при появлении угрозы и тотчас же вылезали, стоило мне отвлечься от них.

Расспросы мои прервал звук ключа, которым мама обычно открывала дверь. Звук этот я могу узнать из тысячи других, ибо за столько лет чего только он не предвещал: и скандалы, и ругань, и похвалы, и прочие прелести жизни троечника. И только в этот момент я осознал всю серьезность это неожиданной встречи. Что же скажут родители...

Ну а что бы я сказал, окажись мой сын шизиком? Наверное, сгреб бы в охапку и отправил в психушку. В общем все для его же блага.

– Гриша, мы дома! – донесся из прихожей голос отца.

Я молча вышел к ним, Суворов проводил меня взглядом.

– Привет! Как дела в школе? – последовал уже почти автоматический вопрос от родителей.

– Нормально, – также на автомате ответил я, – Я должен вам кое-кого показать...

Родители моментально переменились в лице. Выражение с беззаботного сменилось на напряженное. Вот бы узнать о чем они подумали.

– И? – спросила мама.

Я жестом пригласил их в свою комнату, где на стуле удобно расположился фельдмаршал.

– Вот, смотрите. Только не нервничайте сильно!

В комнату сначала осторожно заглянул отец, за ним, с еще большей осторожностью, прячась за его широкой спиной, мама.

– И кого же ты хотел нам представить? – последовал вопрос от мамы.

– Как?! Вы разве не видите?! Здесь же сидит Суворов! Папа, ты мне сам про него говорил! Вы правда его не видите?! – изумленно почти кричал я, ибо не заметить Александра Васильевича было попросту невозможно.

– Сынок, здесь никого нету. Наверное ты просто немного устал, – сказал отец уже спокойным голосом безо всякого напряжения.

– Хорошо, тогда скажу иначе. Я болен, мне нужен психиатр, у меня шизофрения. Мне чудится, будто тут сидит Суворов, я даже его трогал.

Как же спокоен мой голос, даже сам удивился.

Я взглядом впился в глаза отца, ожидая реакции.

– Прекрати выдумывать! – уже строго сказал он.

После этих слов родители покинули меня, отправившись на кухню.

Я был обескуражен. Нет, потрясен. Нет, шокирован. Или все сразу. Я был готов к чему угодно, но такой ход событий я даже не рассматривал как возможный. Не знаю, что было удивительнее: что мои родители такую мою выходку восприняли спокойно и не вызвали «Скорую», или что они реально не видят Суворова.

Фельдмаршал же похоже ничуть не смутился, будто он знал, что все так и будет.

– Смотрю, вы очень удивлены, мой юный друг? – вырвал он меня из лап размышления.

– Но как? Почему я вижу вас, а они нет?

– Видишь ли, – перешел на «ты» фельдмаршал, – родители твои есть люди умные и благородные, чего, к сожалению, нельзя сказать про тебя. Посему только ты можешь иметь возможность видеть меня. А я, в свою очередь, не могу взаимодействовать с ними. Вот и все.

Я с недоверием посмотрел на него. Если честно, то он какую-то пургу гонит, вот честное слово! Ну какой я неумный и неблагородный? В метро место уступаю, сумки с продуктами домой таскаю, читаю много. Так в каком же месте он обнаружил заводской брак?

И в то же время буквально электрическим разрядом пробежала мысль: может он реален и ему стоит поверить? Теперь сомнений было меньше.

– Гриша, через 10 минут будем кушать! – послышался с кухни мамин голос.

– А теперь некоторые важные детали, – говорил фельдмаршал, будто бы не замечая маминых слов, – Во-первых, можешь называть меня граф Суворов, Александр Васильевич, просто граф. Но учти: только на «вы»! Мы друзья, но, – поднял он вверх свой указательный палец, – уважение превыше всего! Во-вторых, ты должен исправляться. Стремиться к этому, как к своей путеводной звезде. А я помогу. Но если сам не захочешь – никто уж не поможет.

Я сам-то еще не знаю, хочу или нет. То есть имеется выбор: забить на все это (что мне кажется не лучшим вариантом), либо согласиться на то, что невесть откуда взявшийся полуглюк будет меня воспитывать. Вспомнил, что где-то читал, как люди убивали, потому что им так говорили голоса. Но он-то так не скажет? Надеюсь, нет.

– Хорошо, – выдал из себя я.

И мы ударили по рукам.

ГЛАВА 4

Остаток дня, на мое счастье, прошел без потрясений. Как я сумел выяснить, Александра Васильевича совсем не нужно кормить, так как, по его словам, ему это без надобности. Ну и хорошо. А то вряд ли я смог бы объяснить маме, зачем мне нужно две порции любой пищи, которую она дает мне.

При этом опять поймал себя на мысли, что человек – удивительное создание. Посудите сами: за несколько часов я привык к незнакомому и невесть откуда взявшемуся человеку! И теперь думаю не об его происхождении или о том что делать, а о таких бытовых мелочах, как еда!

Конечно, привык еще не до конца, но уже не шарахался от него, как от прокаженного, это определенно прогресс. Впринципе с ним даже интересно. Я по натуре своей человек общительный, и язык у меня подвешен, поэтому могу трепаться без остановки на практически любую тему, чем обожаю заниматься. Увы, умных одноклассников в школе не много, посему я чаще беседую с учителями, от чего получаю огромное удовольствие.

Вот и теперь перед сном граф сидел на краю моей постели. Я внимания на него не обращал, всецело отдавшись чтению. Признаюсь, имею за собой такую слабость – чтение на ночь. Суворов прервал молчание:

– Что читаешь? Стихи али прозу?

– Прозу, – не отрываясь от чтения, ответил я.

А именно это была подростковая литература из разряда young adult. Подобные книги я обожал, особенно от первого лица. И чем сюжет печальнее и драматичнее, чем у героя все сложнее и хуже, тем лучше для меня. Это абсолютно не вяжется с моим характером, больше жизнерадостным, нежели пессимистическим, однако вкусу не прикажешь.

– Проза – это хорошо, стихи я не люблю, хотя они встречаются весьма складные.

Стало понятно, что ему скучно, поэтому, смирившись, что больше мне почитать не суждено, я отложил книгу.

– Мне тоже стихи не очень. Проза понятнее и пишется легче.

– Так ты еще и пишешь?

Я почувствовал, как щеки заливает краска. Действительно, я иногда писал для души короткие рассказы, небольшие повести, пытался подражать современным писателям, даже отправлял пару рукописей в издательства, но ответа так и не получил.

– Немного... Только для себя.

Я старался особо не распространяться о своем увлечении, так как считал, что товарищи не поймут, не дай бог найдут мои сочинения и тогда не избежать мне насмешек.

– Дашь глянуть? – не унимался Суворов.

– Может быть, только позже, – ответил я, поворачиваясь к стенке и давая понять, что разговор закончен, – спокойной ночи.

Граф тяжело угукнул и выключил свет.

Итак, утро следующего дня началось для меня хуже некуда. Я смотрел увлекательный сон: меня вызвали в сборную России по футболу, команда вышла в финал чемпионата мира! Я уже был готов забивать победный мяч... Но вдруг проснулся и заорал! Изо всей мочи, на весь дом. А рядом с моей кроватью стоял довольный Суворов с тазом. Он вылил на меня целый таз ледяной воды! Целый огромный таз! Ну это еще додуматься надо! Возмущению моему не было предела, однако я удержался от нецензурных выражений, которые уже ворочались на языке.

– Вы что?! С ума сошли?! – накинулся я на него, с трудом сдерживая желание придушить старика.

– С добрым утром, барин! – сказал он с явным сарказмом, – негоже так долго потчевать!

Я бросил свой взгляд на часы. Ну он издевается! Еще только пять тридцать! Нет, я понимаю, что белые ночи и все такое, но будильник должен прозвонить только через полтора часа! Целых полтора часа здорового крепкого сна – это самое дорогое на свете. И это сокровище у меня теперь безжалостно забрали.

– Где долго?! – не унимался я, еще дрожа после «умывания».

– Ей-богу, как Прощка! Полно болтать! На разминку пора!

– Куда?!

– Чего орешь, как ворон! Батюшку с матушкой разбудишь! Одевайся лучше.

Я встал с кровати, а Александр уже суетился, собирая мою одежду.

– Ишь ты, расшвырял как! А порты где?

– Здесь, – уже смирившись ответил я и снова усмехнулся. Вот парадокс – люди из разных эпох с разницей в более чем двести лет понимают друг друга.

Я вяло направился к выходу.

– Куда поплелся? А кто перины застилать будет?

Вот интересный какой: сам намочил все, теперь хоть выжимай, а убираю я! Пришлось поменять белье.

Выполнив данное мне указание, я вслед за Суворовым вышел из дома. Двор был абсолютно пустой. Создавалось ощущение, что даже природа еще не проснулась, хотя солнце медленно поднималось. Холодрыга страшная, даже привычных дворовых голубей нет. Зато проснулся я. И как последний дурак, стою в пустом дворе в спортивном костюме и повторяю упражнения за полоумным стариком. Я более чем уверен, что именно так все и выглядело со стороны.

Упражнения тоже были необычные. Сначала мы бегали, как ошпаренные по всему двору. Граф, несмотря на свои преклонные лета, от меня не отставал! Потом прыгали через каждую скамейку, как через «козла», вытворяли прочие странные вещи, но раз так надо...

Я обернулся на звук открывающейся двери нашей парадной. О нет, только не это. Баба Нюра. Сама по себе она очень славная и добрая. Но она, кажется, забыла, что мне уже семнадцать.

– Ой, Гришенька!

Все, началось.

– Какой умница! Так рано встал и уже зарядку делаешь!

Я скорчил кое-какую улыбку и сделал вид, что несказанно рад видеть ее:

– Баба Нюра! Здравствуйте!

– Григорий! – окликнул меня Суворов, – не смей отвлекаться! Ну я тебя! – крикнул он и показал мне кулак.

Я продолжил выполнять всевозможные упражнения за Александром.

– Ну занимайся, занимайся, – сказала баба Нюра и ушла в направлении ближайшего магазина. В шесть утра. Правильно. Ну а чем еще заниматься в такую рань?! Как говорится, остановите планету, я сойду.

Вспомнился «парадокс бабушек». Они всегда и везде, когда бы я ни пошел в поликлинику или в банк, когда бы я ни сел на общественный транспорт – их всегда полно. Откуда они берутся и зачем это делают? В этом и заключается их загадка, которую вряд ли кто-то сумеет разгадать.

В этот раз легко отделался, избежав расспросов о здоровье и учебе.

Отзанимавшись еще некоторое время, мы наконец-то вернулись домой. Мышцы ныли чрезвычайно сильно, отчего просто передвигаться было непросто и вместо обычных двух минут путь домой занял все десять. Часы показывали около семи. Я плюхнулся на диван.

– Ну и что ты расселся? А завтрак кто делать будет? – бросил на меня осуждающий взгляд Суворов.

– Мама...

– А мама, по-твоему, не устает?! А ну давай сам! Что у тебя тут есть? – спросил он, открывая дверцы кухонного шкафчика.

– Гречка, – выдал я неожиданно для себя.

– Кашу любишь? Молодец! Я тоже! Приступим...

Я вообще впервые в жизни что-то готовил сам. Нет, конечно, до этого я мог обеспечить себе пропитание, но обычно ничего сложнее пельменей и «Доширака» отродясь не делал. У нас готовку брала на себя мама. Александр Васильевич тоже был на высоте: он руководил мною, не давая мне отдыха, как заправский шеф-повар. Хотя сварить гречу много ума не надо. Но учитывая, что руки у меня не всегда растут откуда надо...

Наконец готовка подошла к концу. Каша дымилась на столе, наполняя ароматом всю квартиру. Я доделывал кофе, когда услышал за спиной мамин голос:

– Гриша?

– Кушать готово, – больше от растерянности сказал я.

– Вот молодец! Сам завтрак сделал! Володя! – позвала она отца.

На протяжении всего завтрака меня хвалили то отец, то мать. Было приятно, особенно мне, как человеку тщеславному, поэтому я с благодарностью посмотрел на графа. Впервые за все это время.

Но пришла пора идти в школу. Поспать подольше не суждено, придется идти на первую историю...

ГЛАВА 5

Вопреки моим просьбам, граф отправился в школу со мной. Я слабо представлял, как это будет выглядеть, однако выбирать не приходилось. Суворов говорил, что за мной глаз да глаз нужен. Будто я дитя малое...

До школы мы добрались достаточно быстро, ибо идти до нее пятнадцать минут пешком. Но по понятным причинам я сегодня шел нога за ногу, поэтому только через полчаса был на месте.

Переоделся я тоже быстро, насколько это было возможно. Но Александр Васильевич укорил меня уже там:

– Ты почто грязь разносишь? Али обувки другой нет? В уличном и по благоугоднему заведению? Нехорошо-с.

Выслушав все претензии, я обещал исправиться к началу следующей недели. Думаю понятно, что на обещание я в конце концов забью, как это часто делаю.

Мы зашли в класс.

– О, здорово! – сразу накинулись на меня одноклассники.

Им я решил не рассказывать о случившемся со мной. Да даже если бы и рассказал, что бы изменилось? Они люди, на мой взгляд, недалекие, предпочитающие дешевые понты и громкие выражения вместо нормального общения. Послать человека для них все равно, что сходить в магазин. Однако, если им что-то нужно, они сразу забывают свои подколы. Двумишние во всей его красе.

Граф в это время с интересом разглядывал портреты исторических деятелей на стене кабинета. Воспользовавшись этим, я с товарищами вышел в коридор. До начала урока было еще минут 20.

– Ну что? По ашке? – предложил мне Костя (новенький, перешедший к нам всего несколько месяцев назад, но уже идеально влившийся в нашу компанию благодаря своему дружелюбному характеру).

– Давай, – не стал я отказывать себе в удовольствии.

Он тайком, чтобы не увидели учителя, дал мне в руку вейп, с которым я направился в туалет, который за глаза называли курилкой. Естественно, педагоги об этом знали, но вот поймать с полочным им пока никого не удавалось. Да они особо-то и не пытались, то ли из понимания, то ли из-за чего еще. Поэтому электронка свободно ходила по рукам, а определенные люди бесперебойно снабжали жижей. Некоторые особо смелые, дабы выпендриться, парили прямо на уроках, пока учитель стоял, отвернувшись к доске. Мне это казалось неуважением, но бесстрашию такого курилщика можно было только позавидовать.

Я уже предвкушал сладость и приятную горчинку от парения, как вдруг за шиворот меня остановила чья-то крепкая рука.

Я обомлел. Не дай бог, чтобы это был кто-то из учителей, тогда проблем не оберешься. Поднимаю глаза, наполненные ужасом, и, к величайшему моему облегчению, вижу перед собой Суворова. Но облегчение испарилось без следа, когда я увидел укор в его глазах.

– Ты что? Табак мне тут раскуривать?

– Это другое... – пытался оправдываться я, прекрасно понимая, что это бесполезно. Но попробовать стоило.

– Но-но-но! Ты это дело брось! Учеба – вот твоя главная обязанность! – сверлил меня взглядом Александр Васильевич, – давно куришь?

– Месяца два...

– Твое счастье, – сказал он, немного ослабив хватку, – отучим быстро. И чтобы больше впредь дурью, этому подобной, не занимался!

– Но я уже привык!

– Отвыкнешь! Закурить захотел – сделай пять отжиманий! Отучишься быстро!

После этих слов граф ушел.

Я вернул Косте его ашку по предлогу, что расхотелось. Но никак не получалось выкинуть из головы глаза Суворова. Этот взгляд я вряд ли когда-нибудь забуду. Лучше бы он меня даже ударил, чем ТАК смотрел.

Раздумья мои прервал звонок. Я направился в класс, где занял свое место.

– Доброе утро, садитесь, – сказала историчка, – к сегодняшнему уроку, вам нужно было прочитать про Альпийский поход Суворова. А отвечать пойдет...

При словах о Суворове, граф, расположившийся в конце класса, немного оживился.

– Отвечать пойдет...

Что за дурная привычка! Не может что ли сразу сказать? Зачем-то тянет резину! И эта гробовая тишина, которая висит в классе, то напряжение, которым пропитан воздух, просто сводит с ума!

– О! Кузьмин! К доске!

Вот напасть! Я ведь ничего не читал!

Под сдавленные смешки одноклассников я вышел к доске, на которой висела карта со стрелками, и взял в руки указку.

– Ну? Мы тебя слушаем. Расскажи-ка нам, Кузьмин, про маршрут Суворова, и покажи его на карте.

В подобных случаях я старюсь обычно действовать по замечательному правилу: неси любую чушь, только как можно более монотонно и с серьезным лицом. Иногда это действительно помогало: учителя что-то делали на своем столе, слушая лишь фоном и, когда я заканчивал, кивали, ставя четверку или даже пятерку. Но в данном случае стратегия моя оказалась безнадёжной, так как на первом уроке преподаватели еще не утомляются и полны сил.

Я с надеждой посмотрел на Суворова. Тот нехотя встал, подошел ко мне и сказал:

– Повторяй за мной.

Я начал отвечать, слово в слово повторяя сказанное Александром Васильевичем.

Доклад мой длился не более десяти минут.

– Ну Кузьмин! Сегодня ты меня удивил! Ведь можешь, когда захочешь! Поставлю пять, но! Суворов не называл битву на Чертовом мосту непростой!

– Откуда вам знать, сударыня, как я ее называл! – буркнул граф, – пороху не нюхала, зато знает, что я сказал. Хм!

ГЛАВА 6

Остаток дня прошел без особенных происшествий. По большей части от того, что я просто тихо отсиживался за партой, стараясь не напоминать учителям о моем существовании.

По окончании шести уроков, я засобирился домой. Вообще уроков было семь. Оставалась физкультура. По-моему, надо быть последним глупцом, чтобы поставить в пятницу семь уроков! Но это же наш завуч, ей виднее... Одним словом, я (впрочем, как и всегда), решил откосить и тем самым подарить себе целый свободный час к основному времени выходных.

Я зашел в раздевалку и начал искать свою куртку в общем многообразии верхней одежды. Нельзя сказать, что я очень волновался из-за того, что не мог найти ее. Думал, что она, по своему обыкновению, окажется где-то на полу, так как не у всех людей руки растут откуда надо. Но потратив на поиски минуты три я начал переживать. Ее не было нигде, будто она испарилась. Если это опять сделали шутники из «Б» класса, то я им эту куртку...

Неожиданно за моей спиной кто-то кашлянул. Причем кашлянул так, как обычно привлекают внимание. Я обернулся и увидел Суворова, который преспокойно стоял с моей курткой в руках.

– Вот спасибо! – сказал я, – ишу ее уже битый час!

Но к моему удивлению, когда я потянулся за пропажей, граф отдернул руку.

Я с изумлением посмотрел на него. Он тоже посмотрел на меня, но без изумления.

– Понял, иду на физ-ру, – сказал я уже упавшим голосом.

Только после этого Александр Васильевич вернул одежду мне.

Аккурат в этот момент прозвенел звонок, возвестивший о начале урока. Вяло я поплелся в сторону зала, зашел в раздевалку и, как всегда, чуть не задохнулся от тяжелого запаха пота и прочих субстанций, выделяемых человеческим телом в ходе физических нагрузок. Потом еще потным идти домой по ветру. Господи, ну почему никто не догадался поставить хотя бы один душ! Тогда бы сполоснулся – и свежий идешь домой! Так нет же...

Переодевшись, вышел в зал. Многие одноклассники были удивлены моим присутствием на уроке. Не потому что я не любил физ-ру, даже наоборот – я без ума был от спорта, просто последний урок пропускал почти всегда. Иные даже задавали вопросы по этому поводу, но отвечал я очень кратко и неохотно, посему все быстро оставили меня.

В зале на скамейке меня уже поджидал Суворов. Я встал в строй. Нас было человек двенадцать, ну как всегда. Девочки, уломав медсестру выдать им справки, смотались домой. Им можно, а мне нельзя.

– Кузьмин! Какие люди в Голливуде! – почти крикнул физрук и засмеялся.

Смешно. Просто ухохотаться.

Наш физрук в принципе был человек неординарный. Я знаю, что он из бывших военных, но по нему этого не скажешь. Роста он был небольшого, зато имел хороший живот. Брился он не часто, но усы не сбрасывал никогда. Шутил много, но шутки его были настолько нелепы, что смеялся над ними только он сам. А в остальном он был неплох. По крайней мере в части физического развития. Разве что иногда появлялся на уроках не в спортивной форме, а в джинсах. Тогда от него несло перегаром и он, отлавливая учеников по одному, просил денег в долг то на билеты в кино, то на новые кроссовки. Но было абсолютно понятно, что на самом деле – на опохмел.

Урок начался, по традиции, с разминки. Я нехотя делал упражнения, ибо по горло был сыт утренней разминкой с графом да и тело мое всячески пыталось сообщить мне о потребности отдохнуть. Этим бы я и занялся, но граф решил, что мне просто необходимо еще раз за день позаниматься спортом.

Потом мы играли в баскетбол. Когда капитаны собирали команды, то меня выбрали одним из первых. Из этого можно сделать вывод о моем уровне игры. Меня поставили в защиту, где за счет высокого роста, я имел некое преимущество. Бывало, подключался к атакам, но поскольку броски мои оставляли желать лучшего, то я предпочитал играть второй линией, что получалось у меня весьма недурно.

Суворов же очень оживился с началом игры. Он, не отводя глаз, смотрел за каждым движением игроков. Неудивительно. В его-то время такого не было. Но реплика Александра Васильевича заставила меня думать иначе:

– Ну там пробежка!

Я вопросительно уставился на него. Он заметил этот взгляд и, хитро подмигнув, сказал:

– Видишь ли, друг мой, я знаю много вещей, о которых в мое время никто даже не подозревал. Привыкай!

– Гриша, не спи! – крикнул Костя, который был нашим капитаном.

Я обернулся и увидел мяч, летевший прямо на меня. Я поймал его и встал в растерянности.

– Бросай от груди, целься в квадрат, прыжок! – услышал я команды Суворова.

Я полностью ему доверился, бросил...

– Два очка! – крикнул физрук.

Команда поздравила меня. Не потому, что забросил, а потому, что я никогда не умел нормально бросать, а здесь принес жизненно необходимые для победы очки.

Игра была окончена. Мне удалось, кстати, забросить потом еще один. Я направлялся в сторону раздевалки, когда ко мне подошел Михаил Сергеевич – наш физрук.

– А я не понял. Ты, Кузьмин, когда играть-то научился?

«А я не понял» – это его любимая фраза. Никто не знает откуда она взялась, да и логике выражение не всегда поддавалось, однако оно была неотъемлемым атрибутом учителя.

Я только пожал плечами, но при этом хитро подмигнул графу, который, в свою очередь, не смог сдержать улыбки.

ГЛАВА 7

Я пришел домой уставшим, как собака. Но мысль о том, что впереди целых два дня отдыха, залечивала раненное учебной сердце. Не было никакого желания что-либо делать. Но разве с Александром Васильевичем забалуешь... Несмотря на все мои уговоры, он оставался непреклонен:

– И что, что выходные? Ленишься значит можно? Ни в коем разе! Лени нельзя поддаваться!

Безусловно, в какой-то мере он прав, вот только выходные ведь – это особенное время. Спать можно хоть до часу дня, потом весь день проиграть в компьютер или гулять допоздна с друзьями, не думая о том, что завтра на учебу.

Однако спорить было бесполезно. И в итоге к приходу родителей уроки были сделаны, хотя я предпочитаю забыть об их существовании до воскресенья, квартира помыта, а ужин – приготовлен. Думаю, будет излишне описывать эмоции родителей и также бесполезно рассказывать о моем состоянии после столь насыщенного дня. Было единственное желание – завалиться в кровать и уснуть.

За ужином, как всегда, обсуждали последние новости. Тут-то и началось самое главное:

– Гриша, – вдруг сказала мама, – ты ведь футболом увлекаешься?

– Да, – отвечал я, не чувствуя подвоха. Наивный... усталость застелила разум – фатальная ошибка.

После моего ответа мама с отцом загадочно и одновременно торжественно переглянулись. Обычно после этого взгляда следует нечто неожиданное, иногда приятное, иногда не очень...

– Ну и замечательно! У нас неподалеку как раз открыли секцию! И я тебя записала на просмотр!

Я чуть не подавился. Меня. На просмотр. В профессиональную секцию! Нет, я не спорю, что люблю футбол и играю в него весьма недурно, но секция... Это же нечто отличное от уличного футбола и игр на физ-ре. Там уровень другой, намного выше. А вдруг я там буду самым слабым?! Ведь непременно туда заявятся какие-нибудь профессионалы, которые с пеленок играют! И я – дилетант Гриша. Замечательно! Боже! Какой будет позор!

Да и с новым коллективом мне всегда тяжело, ибо я консерватор, не любящий что-либо менять. Меня не стоит считать социофобом, просто часто стесняюсь сделать первый шаг в знакомстве, сам не знаю почему.

Я, конечно, сделал вид, что рад, дабы продемонстрировать, насколько сильно ценю желание родителей сделать для меня все возможно лучшее, но на самом деле волнение и страх разъедали меня изнутри. Решил поделиться своими переживаниями с Суворовым.

– Нашел чего бояться! Мяч не ядро – не взорвется. А ты, насколько мне известно, с мячом тот еще кудесник!

И с этими словами он пнул мне круглого, лежавшего здесь же. Я среагировал моментально и без труда обработал его.

– Ну вот видишь! Все получится! Только смелее вперед!

Я был благодарен графу за поддержку, но свойственная мне неуверенность в себе ни на секунду меня не отпустила.

Ночью мне не спалось: тяжелые мысли продолжали мучать меня, несколько раз даже проскакивала идея притвориться больным. Однако я понимал, что, если сейчас дам слабину, потом привыкну отступать при малейших трудностях, а это чертовски плохо.

На следующий день папа повез меня на просмотр.

Секция расположилась на территории, включающей в себя два поля и корпус.

Мое волнение усиливалось с каждой минутой, а граф успокаивал меня как мог.

Мы приехали, нас встретили, папа отправился на трибуну, а я в раздевалку. Там и увидел своих конкурентов. К моему удивлению, их было немного. Всего около десяти человек, включая меня. И вид их не внушал мысли, что они мастера своего дела. Одев форму, я вышел на поле.

Там нас встретил тренер – мужчина лет тридцати в спортивном костюме. Он построил нас на бровке и сказал:

– Ну что, гаврики: сегодня мы узнаем, кто из вас новый Месси, а кто так и останется на уровне сборной России.

По трибунам и нашему строю прокатился смех. Среди зрителей он был искренним, а в строю по большей части нервный.

– Смешки убрать! Смеяться будете на матче сборной или в цирке! Впрочем, это одно и то же. Сейчас вы разделитесь на команды и сыграете. Игра 30 минут. Поехали!

Мы быстро разделились и приступили к игре. Мое волнение сразу испарилось. Я не думал уже не о чем, кроме игры. Я стал единым целым с мячом, он почти прирос к моей ноге. Я буквально летел по полю, все пасы мои были точны, а удары метки.

Вот только один парень из нашей команды... ну руина страшная. Несколько раз ему выкачивали мяч на пустые ворота и всякий раз он отправлял круглого в небо. Потом делал вид, что ему жутко неловко, виновато улыбался, показывая сокомандникам большой палец, что означало благодарность за хорошую передачу. Он жутко бесил меня: у нас и так ничья, а он моменты бракует. Не умеешь играть – не берись! И внешность его была мало привлекательна: рост небольшой, а он в нападение лезет, худой, а пытается в борьбу лезть.

А вот другой парень мне приглянулся сразу: он был выше остальных почти на полголовы, телосложения более крепкого, нежели у прочих. Ему удавалось выполнять с мячом такие трюки, какие мне только снились. Истинный лидер!

Игра пролетела как мгновение. Наша команда победила, а мне удалось отправить в сетку целых два мяча.

Мы построились снова и стали ждать, кого же выберет тренер.

– Итак! Заниматься будут: Карпов, Сидоров, Плавчук, Кузьмин. Остальные – до свидания!

Радости моей не было предела! Меня взяли в профессиональную секцию! Восторженным взглядом я окинул строй, ища того самого парня-лидера. И нашел, только он не радовался, как я, а растерянно вышел из строя, разведя в стороны руки.

– Вы точно не напутали? – пробасил он, – посмотрите фамилию...

Договорить ему не дал тренер: он подошел к нему почти вплотную и процедил:

– Я ясно сказал: остальные – до свидания!

Парень отшатнулся, еще некоторое время простоял в оцепенении, потом будто очнулся, что-то прошипел и быстро ушел в раздевалку.

Эта сцена невероятно сильно меня поразила. Как его не взяли? Почему? Он же был так хорош.

И тут на глаза попался тот, который постоянно динамил моменты. Он радостно посмотрел в мою сторону и подошел ко мне.

– Круто сыграли, да?

Я угрюмо кивнул, давая понять, что не настроен сейчас вести беседы.

– Блин, я так рад! Наконец-то нормальные занятия, а не двор! – продолжал он, будто не замечая моего настроения.

И тут меня как громом ударило.

– Так ты будешь заниматься? – спросил я.

– Конечно, – удивленно ответил парень, – ты же сам слышал: Плавчук!

Так вот как оно вывернулось: вместо перспективного дриблера в секцию взяли... это. Такая вселенская несправедливость сильно зацепила меня.

– А ты-то как, доволен? – не унимался он.

– Да. Очень.

– Ну и круто! Может познакомимся?

Он уже порядком мне надоел, поэтому я огрызнулся:

– Может в другой раз?

И не дожидаясь ответа, направился в раздевалку.

Поскольку меня задержал разговор, там уже почти никого не было. Быстро переодевшись, я закинул форму в сумку и собирался уходить, как вдруг прямо на выходе снова столкнулся с Плавчуком.

Дабы не нарваться на очередную беседу, я быстро прошел мимо, едва не снеся парня, и на ходу выстрелил в его сторону недовольным взглядом.

На выходе меня уже ждал Александр Васильевич:

– Молодец, Григорий! А ты боялся! – радостно тормозил он меня.

Дозу похвалы я получил и от родителей. Я был счастлив. А что может быть лучше?

Вот только, проезжая мимо стадиона, в окно я увидел Плавчука: он сидел на скамейке, скрестив ноги, и задумчиво, даже немного грустно куда-то смотрел. На душе стало тоскливо. С чего бы это?

ГЛАВА 8

После принятия меня в секцию жизнь моя приобрела смысл. Нельзя сказать, что его не было до этого, но смысл этот имел какие-то слишком призрачные и неясные формы. А сейчас я ясно видел к чему стремлюсь и чего хочу достичь.

Первые плоды моего труда не заставили себя долго ждать. Я быстро влился в наш спортивный коллектив, получал возможность часто показывать себя на поле.

Вот только с Плавчуком все оставалось непросто: на поле он решительно ничего не мог сделать, хотя очень старался. Но сочувствия к нему я не питал: это профессиональный спорт, здесь нет места жалости, есть только мастерство и талант.

Как раз тогда у нас проходил турнир на первенства города. Звучит, конечно, так себе, но начинать надо с малого, тогда и большее придет.

Перед первым матчем меня охватил жуткий мандраж. Тренер начал объявлять состав:

– Итак. Гобов...

Это вратари, надо ждать нападение.

– В центре полузащиты: Носов...

Скоро нападающие пойдут. Как же я волнуюсь!

– Нападение: Кузьмин...

Есть!

– ...и Плавчук!

Что? Его в старт? Да он играть не умеет!

Перевожу взгляд на Ярослава (так зовут Плавчука). Он широко улыбается и смотрит на меня со счастливым блеском в глазах. Какой же он идиот!

Выходим на поле, судья дает свисток к началу матча...

В раздевалку мы уходили подавленные: первый тайм прошел просто отвратительно – горим 0:2.

– Это что за цирк? – орет на нас тренер, – что вы устроили? Почему защита где угодно, только не там, где нужно? Почему вратарь спит? Нападающие, вам что, в раму не попасть?

Я взрываюсь:

– Не знаю, не бил. У Плавчука спросите. Я ему пасую, а он мажет постоянно.

Ярик бросает на меня гневный взгляд, я злорадно улыбаюсь: получилось его задеть. Тренер же переводит взгляд на него, требуя объяснений.

– Так ведь еще тайм есть, там успеем..., – глупо оправдывается он.

– Не заливай, – перебиваю я его, – просто так и скажи: играть не умею.

Ярик вскакивает, щеки его горят, кулаки сжаты. В несколько мгновений он оказывается передо мной. Я такого не ожидал, поэтому ничего не успел сделать.

– Так! – орет тренер, отгаскивая Плавчука, – успокойтесь! А сейчас идите туда и порвите их!

Мы вышли на поле. Я еще раз пересекся с Яриком взглядом. Теперь он смотрел холодно и с обидой, поэтому я сразу отвел глаза.

Мы долго штурмовали ворота соперников и даже смогли затолкать один мяч, но этого было мало для ничьей. Меня искренне достало, что Ярик продолжает транжирить моменты, поэтому я взял игру на себя и всякий раз, имея возможность отдать пас, не делал этого, а бил сам. Должен признаться, что эти удары получались у меня не лучшим образом. Плавчук, естественно, злился, что-то кричал, но я не слышал, да и не хотел слышать.

Под конец игры атаки наши становились все яростнее и напористее. Во время одной из них я на скорости ушел по флангу от защитников, буквально влетел в штрафную, занес ногу

для удара и... упал, ибо меня сзади больно ударили по ногам. Искры вперемешку со слезами вылетели из глаз. Что за подлянка, черт возьми! Чтоб сдох тот, кто это сделал!

Я вскакиваю, полный злобы, буквально подлетаю к защитнику, ударившему меня. А он, сука, еще и улыбается! Вот сволочь! Уже начинаю размахиваться, чтобы врезать по его охреневшей роже, как вдруг из-за моей спины вылетает Ярик и наотмашь бьет моего обидчика, отчего тот сразу падает на землю.

– Охренел? – хриплым голосом орет Плавчук.

Ярость во мне сразу пропала, ей на смену пришло удивление. После всего, что я ему наговорил... Неожиданно.

Драка не успевает завязаться, нас растаскивают, а Ярика удаляют (как и защитника). Арбитр назначил одиннадцатиметровый, который я без труда реализовал. Итого 2:2. Ничья.

В раздевалке я не смел поднять глаза, так как мне было стыдно за свое поведение: постоянные подколы с моей стороны цепляли его, но Плавчук все равно вступился. С другой стороны, Ярослава никто лезть не просил, а вот играть он действительно не умеет, это факт. Вроде звучит логично, но на душе тяжело.

Мы с ним вдвоем уходим последними. Он уже переступил порог, как я не сдержался и окликнул его:

– Ярик!

Он повернул голову, заглядывая через плечо.

– Спасибо.

На большее моего красноречия не хватило.

Он же усмехнулся и ушел, так ничего и не ответив. Теперь мне кажется, что я перед ним в долгу.

А в остальном дни шли своим чередом. Утренняя зарядка, готовка еды, уроки, тренировки и прочее я стал полностью выполнять самостоятельно, вызывая радость и удивление родителей.

Но неожиданно в мою размеренную жизнь вклинилось одно событие.

Был обычный день, а именно понедельник. Я, как всегда, сделал утреннюю зарядку с Александром Васильевичем, приготовил завтрак, собрался и пошел в школу.

В начале первого урока в класс зашла наша классная с какой-то девочкой и воодушевленно произнесла:

– Знакомьтесь, дети, это наша новенькая – Даша. Прошу любить и жаловать. Она к нам из другого города переехала.

«Отличная» новость. У нас и так пацанов меньше, чем девочек, так еще одну подбросили.

Тем временем новенькая, ничуть не смущаясь (что странно), прошла и заняла место на парте прямо передо мной. Как будто другого варианта не было! Я не то чтобы против, просто это было вероломное вторжение в мое гордое одиночество на пятой парте.

Она сразу же мне не понравилась: ни с кем не общалась, все перемены сидела только в телефоне. Я списал бы это на стеснение и тот факт, что она никого не знает, если бы не одно «но». При всем этом она вела себя крайне высокомерно по отношению к одноклассникам. И если девочки хоть как-то с ней нашли общий язык, то парням она всегда устраивала жесточайшие подставы.

Литература была пятым уроком, сразу за ней шла контрольная по физике. Поскольку характер Пьера Безухова меня мало интересовал, я решил все-таки заняться повторением изученного ранее материала по физике. Безусловно, я уважаю нашу руссичку. Это женщина лет сорока, одетая всегда аккуратно, хозяйственная, кабинет у нее чистый, может запросто успокоить класс, не прибегая к крику, однако отчего-то всегда грустна. Должно быть оттого, что никто ее не ждет дома, наверняка она приходит в пустую квартиру, и некому ее встретить. Зато какой собеседник! Как у нее поставлена речь! Просто диву даешься!

Так вот, спокойно повторяю физику, как вдруг сзади кто-то пихает в спину. Поворачиваюсь – Суворов.

– Что такое, Александр Васильевич?

– Ты что там делаешь?

– Физику повторяю.

– А у тебя литература! Дай сюда, дома надо было учить.

С этими словами он перегнулся, чтобы забрать у меня конспект, но я решаю проявить характер, не соглашаюсь, выхватываю тетрадь из рук графа, отчего теряю равновесие и чуть не падаю, но успеваю схватиться одной рукой за парту, другой опереться на пол. А стул с грохотом летит на пол.

Весь класс оборачивается на меня. Ненавижу эти моменты, когда чувствуешь себя экспонатом в музее, являясь предметом рассмотрения для почти тридцати человек.

– Кузьмин, ты чего? – удивленно спрашивает руссичка.

– А это, Елена Анатольевна, он с шизой своей борется, – вдруг объявляет Даша.

Слышны сдавленные смешки, учительница тоже улыбается. Новенькая с непонимающим взглядом оглядывает кабинет:

– Вы что, это не смешно! Если у человека глюки, не значит, что можно над ним смеяться! Он, может быть, сейчас мир спасал! – важным тоном заявила она, – от своих глюков, – добавила уже тише, но так, чтобы все услышали.

Класс рухнул от смеха. Я же, изобразив извинительную улыбку и покрывшись краской, поднимаю стул и сажусь. Смотрю на Дашу. Вот стерва! Еще и улыбается, да так противно, ехидно, просто жуть!

На следующем уроке, а именно на физике, была та самая контрольная.. Я решил все задачи, кроме одной. А так хотелось «пятерку»! Поэтому решил рискнуть: достал телефон, пока физичка не видит, вбил условие, уже нашел ответ и начал было переписывать, как вдруг...

– Марья Алексеевна!

– Чего тебе, Даша?

– А Кузьмин списывает!

Меня как током ударило, ибо в классе у нас было негласное правило: НИКОГДА не сдавать учителям тех, кто списывает. НИКОГДА! А она! Эта... Слов нет... Просто сволочь! Ей-богу хочет меня сжить со свету!

– Кузьмин! Телефон на стол!

Я сдал мобильный и принялся думать дальше. Но задачу так и не решил, ибо гнев мой не давал возможности рассуждать трезво. План мести созрел быстро. Не думайте, что я человек жестокий или злопамятный, скорее наоборот. Просто привык, чтобы последнее слово всегда оставалось за мной.

Последним была физкультура. Мы должны были играть в футбол – мальчики против девочек. Понятно, что идея эта не представляет из себя ничего путного, но нашему физику виднее... Хотя футбол я люблю. В этом виде спорта равных мне не было, но сам по себе факт игры с представительницами слабого пола меня и забавлял, и смущал, поэтому я всегда играл шутя.

Но сегодня все было иначе. Едва прозвучал свисток к началу игры, как я бросился с мячом к воротам девчонок. В качестве вратаря у них была Даша. Я без труда прошел всю защиту, которая особо не сопротивлялась, и... Нет, не забил гол. А что было мочи ударил по мячу, целясь в голову предательнице. И попал.

Она конечно же заплакала и ушла, но я торжествовал. Это был первый раз в моей жизни, когда, смотря на плачущего от боли человека, мне было хорошо. Голос совести пытался докричаться до меня, но сладкое чувство мести напрочь заглушало его. Как же хорошо видеть слезы

поверженного неприятеля! Чтобы окончательно добить ее, я сделал до невозможности ласковый взгляд и спросил:

– Что такое? Наверное, очень больно, да?

Даша на ходу стрельнула в меня взглядом, после чего разревелась еще сильнее. Ехидная улыбка сама собой появилась на моем лице.

Суворов был крайне недоволен моим поступком:

– Ты барышню почто обидел?!

– Она первая начала.

– И что?! Можно значит бить?!

– Пусть думает в следующий раз!

– Молчи! Позор мужчине, поднимающему руку на женщину! Таково наша мужицкая доля – терпеть их! Вот и терпи!

Я лишь усмехнулся, хотя стало немного совестно. Все-таки надо попросить прощения.

После урока я пытался найти ее, чтобы извиниться, но тщетно.

ГЛАВА 9

На следующий день пришлось ждать Дашу в раздевалке, чтобы попросить прощения. Я вообще уже не так горел этим желанием, как накануне, но граф четко дал мне понять, что я должен делать.

Тут стоит сказать несколько слов о моем общении с прекрасным полом. Отношения с девочками складывались чрезвычайно неровно: в начальной школе учительница посадила меня с одной из одноклассниц вместе, составив таким образом некий тандем отличников. Она мне даже нравилось, я написал ей об этом. При желании я бы мог найти заветное письмо, однако не стану этим заниматься, ибо прочтение не вызовет ничего кроме смущения. Ох уж это любовь в ноль лет... После перехода в пятый класс я стал намного больше общаться с пацанами, отсел с ненавистной второй на обожаемую пятую парту, а вскоре успеваемость дала об этом знать. Однако это меня не смущало, так как за красным дипломом я никогда не гнался, поэтому продолжал обсуждать с одноклассниками последние новости спорта и компьютерных игр.

«Очнулся» я только к концу девятого класса, когда понял, что товарищи мои на прогулках ходят в обнимку с дамами, а мне всегда остается шествовать в гордом одиночестве. Меня это несколько огорчало, поскольку только тогда пришло осознание упущенного времени. С тех пор я терпеливо ждал ту самую, как бы гламурно это не звучало. Именно ждал, так как делать первый шаг не хватало духу.

Наконец Даша пришла. Она переоделась, направилась к выходу из раздевалки. Тут я ее и поймал.

– Даш, привет...

Мне показалось это лучшим, с чего я мог начать.

– Привет, – сухо ответила она.

– Ты это... Извини за вчера... За то... Я этого...

Она не дала мне закончить:

– Чего ты там мямлишь? Скажи как мужик! А если не можешь, то и не пытайся!

С этими словами она ушла.

Я был в шоке, ибо был готов к чему угодно: что она меня ударит, скажет: «Ничего страшного», не простит. Но это! Такая выходка была для меня тяжелейшим ударом, ибо я и так испытывал некоторые проблемы в общении с девочками в виде отсутствия способности что-либо внятно сказать в их присутствии.

Я в растерянности повернулся на Александра Васильевича, ожидая его реакции.

– А что ты смотришь? Ну она может в чем-то и права... – с явной иронией промолвил Суворов.

Делать было нечего. Но осадок остался, я это запомнил.

Весь день я был поглощен мыслью о том, как извиниться, думал только об этом.

И вот, в конце учебного дня, я поймал ее там же, где и утром. Несколько раз проговорил про себя свою речь, и едва она поравнялась со мной, как я выпалил:

– Даша, мне очень жаль, за то, что случилось вчера, поэтому прими мои искренние извинения!

Она посмотрела на меня с удивлением, но ответила:

– Ладно, с кем не бывает. До завтра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.